— Ребята, хотите еще по бокалу вина? — Голос Мишель был похож на ее голос, но действительно ли это она ушла на кухню так сильно виляя задницей, что мы с Алеком только и могли что откровенно пялиться? Я не мог оторвать глаз от ее прозрачной блузки и лифчика, когда она принесла три бокала вина.

Ее рука снова легла на ногу Алека, на этот раз чуть выше, и разговор возобновился с того места, где он остановился, но сейчас в нем было гораздо большее сексуальное напряжение – по крайней мере, от меня. Мишель расспрашивала его о доме, о семье.

— Мать с отцом живут в Шарлотте. У одной сестры, она замужем, есть маленький мальчик. — Он немного поколебался и рассмеялся. — Он родился прямо перед моим отъездом, это мой первый племянник. Теперь он, наверное, уже большим вырос. Не могу дождаться, когда увижу его.

— А тебя дома ждет какая-нибудь подружка?

От этого вопроса у меня перехватило дыхание. Я был почти уверен, что знаю, что она делает.

Он еще раз рассмеялся:

— Вряд ли, я встречался с девушкой до того, как поступил в береговую охрану, но мы с ней всего лишь пару раз встретились.

Я больше не мог этого выносить – особенно теперь, когда Мишель знала, что дома его не ждет девушка…

— Не знаю, как вы, а я хочу потанцевать с моей женой…милая, хочешь потанцевать?

— С удовольствием, — она улыбнулась мне, а затем встала и направилась в нашу спальню. — Я немного освежусь, а вы пока освободите нам место.

Мы с Алеком встали, и он помог мне немного отодвинуть диван. От дивана до телевизора и стереосистемы на стене было около двух метров, а от кухонной стойки — еще полтора. Нам удалось подвинуть диван еще на метр вперед, едва оставив место, чтобы можно было пройти между спинкой дивана и кухонными стойками.

Я нашел наш диск «Энн Мюррей* поет песни о любви» и приготовил его к прослушиванию, когда к нам присоединилась Мишель. Первая песня — «Песня о любви», — одна из наших любимых. Затем я выключил свет, кроме одной лампы, чтобы придать атмосфере немного интима.

*канадская поп-певица, исполнительница кантри

Я чертовски нервничал, не зная, чего ожидать, когда мы начнем танцевать. Я знал, что она будет танцевать с Алеком, но понятия не имел, «как» она будет с ним танцевать.

Как только все было готово, мы с Алеком снова уселись на диван, ожидая мою невесту. Наш первый раз, наша первая брачная ночь, промелькнула у меня в голове, и я понял, что очень скоро — и очень возможно, — произойдет еще один «первый раз». Хотя я ожидал, что она остановится задолго до того, как что-то подобное произойдет.

Мы поболтали о Сайткинаке, и Алек рассказал мне о маленьком грузовом самолете. Когда они разгружали его пару недель назад, неожиданно налетел порыв ветра и перевернул его вверх дном. Он сказал, что он до сих пор лежит на том же самом месте, перевернутый верх дном.

Но предстоящий слон в комнате* (немного странно – думать о своей жене как о «слоне» в комнате) никуда не делся.

*the elephant in the room (слон в комнате) — когда все знают о какой-то серьезной ситуации, но никто не хочет говорить об этом прямо

Мишель закрыла за собой дверь спальни, когда вошла в комнату. Когда мы услышали звук закрывшейся двери, мы оба повернулись в ее сторону. И снова мое сердце почти перестало биться. В последний раз так было, когда я увидел ее этим вечером. На этот раз, однако, мой мозг тоже перестал функционировать. На Мишель была все та же одежда — прозрачная блузка и коричневые брюки. Но на этот раз на ней не было бюстгальтера!

Я смотрел, Алек смотрел – по крайней мере, я предполагаю, что он смотрел, потому что я не замечал ничего другого в данный момент. Передо мной стояли мой друг и моя жена, одетая в самую простую блузку, которую я когда-либо видел, и под ней ничего не было.

Она подняла руки вверх, подчеркивая форму своей почти обнаженной груди.

— Вам нравится? — спросила она.

Мишель — довольно миниатюрная девушка, стройная и с довольно маленькой, но дерзкой и сексуальной грудью. Свой недостаток размера она с лихвой компенсирует дерзостью и чувствительностью.

Ого! Я не мог говорить, не говоря уже о том, чтобы сформировать осознанный ответ.

— Ты прекрасна, — наконец сказал Алек.

— Спасибо, я рада, что хоть кто-то меня ценит, — она послала мне заговорщическую улыбку. — Потанцуешь со мной? — она протянула руку Алеку. — Сначала гости. — Сказала она мне с той же улыбкой.

Наконец я собрался с мыслями, включил Энн Мюррей и снова сел смотреть. По-моему, у нее самый красивый, самый знойный голос на свете. В тот вечер ее музыка была великолепна.

С дивана доносился запах духов Мишель. Она никогда не наносила их раньше, может быть, потому, что раньше не пыталась свести мужчину с ума. Я не знаю, чем это пахло, может быть, жасмином? Не то чтобы это имело значение, это было просто сексуально и сводило меня с ума.

Алек нежно обнял Мишель за талию; она положила руки ему на плечи и посмотрела ему в глаза с расстояния всего в несколько сантиметров, совсем не так, как раньше, когда танцевала с ним в баре.

Мишель прижалась к нему чуть ближе, прижимаясь грудью к груди Алека, щекой к его щеке. Их тела плотно прилегали друг к другу. Что, должно быть, творилось у него в голове? Особенно не зная, что она задумала делать с ним и со мной. Страстный голос Энн Мюррей продолжал звучать, и Мишель наклонила голову, чтобы прошептать ему что-то на ухо. Я не знал, что она сказал, но Алек начал более интенсивно тереть ее спину, и на его лице появилась улыбка. Она крепче обняла его за шею.

Я знаю, что сказал ей раньше и о чем думал сейчас, но вид моей почти обнаженной жены, прижавшейся щекой к щеке моего друга, ее грудей, плотно прижимающихся к его груди, вызывал во мне горный пик ревности. Этот самый пик на данный момент твердо и сильно выпирал из моих штанов. Я знаю, что шелк этой блузки ощущается как чистый секс. Особенно теперь, без бретелек бюстгальтера на спине...

Я не знаю... Это было уже почти слишком. И все же ...Песня, к счастью, закончилась. Мишель держала его за руку до последнего момента, пока он не сел на противоположный от меня конец дивана. Было трудно не заметить, как в его штанах...появилась палатка на шесте.

Затем я почувствовал мягкие пальцы Мишель в своей руке. Она притянула меня к себе. Следующей песней была «Пока я не поцеловал тебя». Мы с Мишель всегда танцевали под нее, и этот вечер не стал исключением. Но сейчас я чувствовал ее твердые соски сквозь рубашку ... Боже!

Ее руки обвились вокруг моей шеи и притянули меня к себе. Ее духи были такими ...сексуальными! Покусывая мочки моих ушей, она очень тихо спросила меня:

— Ты именно это имел в виду?

У меня было мгновение на ответ. Да или нет? Тогда я понял, что хочу сказать «да». Даже наблюдение за тем, как Мишель танцует с Алеком, почти свело меня с ума. Больше всего на свете мне хотелось затащить жену в постель. И все же...это видение...снова промелькнуло у меня в голове. Ее голые сиськи под прозрачной блузкой. Я не думал, что смогу это сделать.

Но я не мог этого не сделать! Несмотря на свою ревность, я знал, что не смогу остановиться.

Если я сейчас скажу «нет», то буду удивляться и жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Я едва мог дышать, когда услышал шепот «Да», исходящий из моего рта.

После того, как это слово сорвалось с моих губ, мягкие губы Мишель нашли мои. Мы избегали любой страсти между нами с тех пор, как я заболел почти три недели назад, поэтому все это выплеснулось наружу в следующие несколько минут. Я забыл об Энн Мюррей, когда Мишель начала яростно работать языком у меня во рту. Своим телом она очень плотно прижалась ко мне.

Когда у меня снова перехватило дыхание после того, как она прервала наш поцелуй, я спросил ее:

— Что ты сказала Алеку?

Ее губы снова пощекотали мое ухо:

— Я просто сказала ему то, что ты сказал мне несколько минут назад.

Потом она прижалась щекой к моей щеке чуть крепче, и я провел рукой по ее спине, чувствуя, что на ней нет бретелек бюстгальтера. Когда музыка закончилась, она попятилась, посмотрела мне в глаза и спросила:

— Ты уверен? — Этим она давала мне еще один шанс. Несомненно, это был последний шанс.

Я закрыл глаза, воссоздавая то видение Мишель в объятиях Алека, которое я увидел несколько минут назад. Я вспомнил, как ревновала меня эта маленькая игра. Спор с собой снова и снова прокручивался у меня в голове, но я никак не мог представить себе, как моя обнаженная жена прижимает рот Алека к своей груди.

Следующей песней была «Такова любовь». Настала очередь Алека танцевать с Мишель. Я хотел набраться смелости сказать «нет» и просто уложить ее в постель. Но я этого не сделал. Я открыл глаза, посмотрел в ее прекрасные глаза и снова ответил ей простым «Да». Пути назад не было, и я чуть не потерял сознание от того, что только что сделал.

Мне удалось найти дорогу к дивану. К счастью, до него оставался всего один шаг. Почти до того, как я закончил этот шаг, Мишель протянула руку Алеку. Он встал, и на этот раз Мишель обняла его за шею и крепко прижала к своей щеке. Я сидел, едва дыша, не зная, что сейчас произойдет.

Впрочем, это не заняло много времени. Она начала покусывать ухо Алека, потом его щеку, и когда он слегка повернул к ней голову, их губы нашли друг друга. Алек даже не видел женщину за последний год, не говоря уже о том, чтобы поцеловать ее. И он компенсировал это с моей женой. Это был не дружеский поцелуй в щеку.

Они полностью забыли о танце, они даже не двигали ногами. Я видел лицо Мишель, ее закрытые глаза, ее открытый рот, целующий Алека. Руки Мишель лежали у него на затылке, он гладил ее по спине, ощущая ее кожу под тонкой и мягкой блузкой.

Не прерывая контакт с его ртом, она протянула руку к его руке, подняла и поднесла ее к своей груди.

Бляять! Я не знал, то ли съежиться, то ли заплакать, то ли вытащить член из штанов, то ли просто сидеть и смотреть. Я еще никогда в жизни не хотел так сильно взять свои слова назад. Только я этого не сделал. Смотреть, как моя красивая жена занимается любовью со ртом моего лучшего друга, в то время как он лапает ее почти голую грудь, было самым мучительным и сексуальным зрелищем, которое я когда-либо представлял.

И тут я услышал приглушенный стон, сорвавшийся с губ Мишель. Это я должен был заставить ее стонать. Но это было совсем не похоже на стоны, которые я слышал, когда мы занимались любовью. Он был долгим, затянутым, настойчивым...

Она оторвалась от него, и я услышал ее тихое «Подожди», прежде чем она отошла от него и подошла ко мне. Она протянула руку, поднимая меня с дивана.

— Я люблю тебя, — сказала она, встав передо мной и поцеловав меня. — Я хочу, — она посмотрела на свою блузку, потом снова на меня, — пуговицы ... если все еще в силе... пожалуйста.

До меня дошло, чего она от меня хочет. Но она также давала мне третий шанс передумать. После того поцелуя я уже не собирался этого делать. Не думаю, что когда-либо в жизни я был так возбужден. Я поднес дрожащие руки к ее подбородку и начал расстегивать верхнюю пуговицу. Трудно расстегнуть блузку, когда пальцы дрожат, как осиновый лист в бурю.

Верхняя пуговица моими дрожащими пальцами ощущалась самой твердой. После этого мне стало немного легче. Мое дыхание, однако, было не таким твердым, когда я расстегнул все пуговицы. После того, как я вытащил ее блузку из-под брюк, мои руки просто естественно вернулись к каждой стороне ее декольте. Боже, ее соски были твердыми и приятными на ощупь, а кожа была такой мягкой и чувственной. Она издала еще один слабый стон и схватила меня за запястья, сначала сжав мои руки немного сильнее, а затем убрав их с груди.

— Не уходи, я еще вернусь, — прошептала она, поворачиваясь к своему будущему любовнику.

Это видение снова промелькнуло в моей голове, когда я наблюдал, как моя Мишель делает три шага к тому месту, где стоял Алек. Он просто стоял и смотрел на нас, пока его член проделывал дыру в штанах.

Теперь уж точно не было пути назад!

Алек раздвинул блузку моей жены и снял ее. Теперь она стояла перед ним топлес.

— Боже, — только и сказал он. Этого было достаточно.

Его руки потянулись к ней первыми. Я смотрел ей в спину, не видя, но зная, что он делает. Вы тоже знаете. Если бы я сделал несколько шагов, я смог бы видеть, но мой мозг уже не работал так хорошо. Сначала раздался мужской тон, затем женский. Руки Мишель накрыли его ладони. Если за последние несколько минут мое сердцебиение и замедлилось, то теперь оно снова участилось.

Я не смог бы отвести от них глаз, даже если бы мимо нашего дома прошел мистер Эд — говорящая лошадь.

Может быть, прошло пять-десять минут с тех пор, как я наблюдал, как моя жена целуется с другим мужчиной. Я боролся с собой. То, что творилось у меня внутри, когда Алек наклонился и взял в рот один из сосков Мишель, обхватив ее руками, не шло ни в какое сравнение. Когда руки Мишель обхватили голову Алека и притянули ее к себе, когда громкий стон вырвался из ее рта, три моих недели воздержания дали о себе знать оргазмом. Он почти разорвал мое тело, почти заставляя меня рухнуть со стоном на пол. Я даже не заметил мокрого пятна на штанах.

Я буквально задыхался, когда наблюдал, как мой друг пожирает обнаженные груди моей жены…Как она стонет с наслаждением. Я обнаружил, что чувствительная грудь Мишель напрямую связана с ее сексуальностью. Даже малейшее мое прикосновение к ее соскам приводит ее в сексуальное возбуждение.

После того, что казалось вечностью, Мишель наклонилась, взяла его руки в свои ладони и повела их вниз к своим брюкам, давая ему ясный намек.

Я снова затаил дыхание. Оргазм, который я только что испытал, не вызвал ни малейшего ослабления моей твердости или похоти.

Алек тоже понял, чего хочет Мишель. Он начал стягивать пояс ее брюк с бедер. Я затаил дыхание, понимая, что сейчас произойдет. Мое тело начало трястись от того, что я привел в действие этим «да». Опять же, я не думал, что смогу позволить ей испытать подобный опыт, но знал, что в тот момент я был бессилен остановить то, что приближалось.

Это было похоже на прыжок с парашютом, но только без парашюта.

Алек медленно снимал брюки, наслаждаясь моментом. Я не мог сделать вдох, не мог пошевелиться. В поле зрения появились красные трусики Мишель. Атласные, практически ничего не скрывающие. Больше похожие на трусики, которые она иногда носила с одной из своих сексуальных ночных рубашек, но меньше. Они были почти стрингами. Мои глаза были широко раскрыты, и мое дыхание, наконец, остановилось, заставляя меня почти упасть в обморок.

Алек изо всех сил пытался стянуть с нее брюки, но в конце концов сделал это. На ней остались только почти несуществующие трусики. Мой член был каменно-твердым. Этот оргазм ни черта его не ослабил.

Он целовал ее ноги, пока не остановился на трусиках. Он прижался лицом к ее промежности, его руки обхватывали ее зад, между его ртом и киской Мишель не было ничего, кроме этого тонкого материала. Руки Мишель сжимали его волосы, прижимая его к себе. Они стонали.

Она отступила назад, оставив Алека на коленях с выражением похоти на лице, затем она повернулась ко мне, и у меня снова перехватило дыхание, когда я увидел то, что видел Алек: эти трусики из красного атласа были такими же прозрачными, как ее лифчик. Она шагнула ко мне, такая красивая, ее соски были набухшими от сосания Алека. Это выглядело так чертовски сексуально!

Она прижалась ко мне всем телом, целуя меня, как несколько минут назад целовала Алека, ее язык был у меня во рту. Я не знал, сколько еще смогу выдержать. Я хотел взять ее в спальню и жестко трахнуть! Даже прямо здесь, перед Алеком. Я почти отчаялся в своей нужде. Тем не менее, я знал цель; это не я собирался заняться любовью с моей женой той ночью, это должен был быть Алек.

Она повернулась лицом к Алеку и прижалась своим телом к моему твердому члену, все еще запертому в штанах. Мои руки обхватили ее груди, сжимая и дергая соски. Она застонала. Но я знал, чего она хочет. Моя правая рука легла на перед ее трусиков, через прозрачный атлас я чувствовал влажность ее киски. Моя другая рука осталась на ее груди, массируя, лаская и щипая ее сосок.

— Купила их… для тебя… я думала, тебе понравится, — сказала она тихим хриплым голосом, задыхаясь.

Она всегда брила свой лобок, и я прижал руку к ее гладкому лону, вызывая новые стоны, Алек следил за каждым ее движением. Я вспомнил ее слова, сказанные чуть раньше этим вечером: «Не хочу, чтобы Алек нас слышал».

Мне отчаянно хотелось вжать в нее пальцы и почувствовать, какой она была горячей, влажной внутри…я хотел заставить ее фонтанировать…но я знал, что этой ночью это должен делать Алек.

Мишель повернулась ко мне лицом, наши губы встретились, я снова почувствовал ее язык. Другая моя рука, та, что обхватывала и гладила ее грудь, спустилась к трусикам. Двумя руками я позволил ее трусикам упасть на пол…

Она шагнула вперед, к Алеку. Она была прекрасной богиней. Голой, не имеющей на теле ничего, кроме туфель, застегнутых на лодыжках. Земля стремительно приближалась. А на моей спине не было никакого парашюта.

Мишель крепко обняла Алека за шею, обвила ногами его талию, прижалась губами к его губам. Пальцы Алека впились ей в спину, его ногти оставляли красные следы, и они начали спускаться ниже…ниже по спине…к ее заднице, он схватил и поднял ее…его пальцы ощупывали…нашли ее щель…и исчезли внутри нее!

Мишель выпустила его губы, громко застонав, ее тело напряглось. Я подошел ближе, прямо за спину своей жены, наблюдая за пальцами и мускулами Алека. Его пальцы двигались, находя свой путь глубже внутри нее. Ее голова откинулась назад, на лице застыла жесткая гримаса, а затем раздался ее крик.

Не знаю, как долго это продолжалось. Она прижалась лицом к телу Алека, и ее тело содрогнулось…но пальцы Алека продолжали работать внутри ее киски.

Мишель продолжала висеть на талии и шее Алека, пока ее оргазм постепенно утихал. Алек удержал ее, иначе она, скорее всего, упала бы.

Придя в себя, она произнесла одно-единственное слово:

— Спальня.

Я отодвинулся в сторону, понимая, что мгновение столкновения с землей и взрыв эмоций неизбежны в ближайшие несколько мгновений.

Мне пришлось снова и снова спрашивать себя: осмелюсь ли я наблюдать за следующими минутами. Впервые меня осенило — что это может сделать с нашим будущим? В последний момент запасной парашют обнаружить не удастся. Я уже ничего не изменю в эти последние несколько секунд. И все же никакая сила на земле не остановит неизбежное. И нет, я не мог «не» смотреть.

К счастью, Мишель, по крайней мере, сидела на противозачаточных таблетках, так как мы не хотели заводить ребенка, пока я был в армии.

Алек положил Мишель на нашу кровать. Она раздвинула ноги, поставила ступни на кровать, согнула колени и сказала:

— Трахни меня, Алек…Пожалуйста!

Я никогда раньше не слышал, чтобы Мишель употребляла это слово.

Руки Алека дрожали почти так же сильно, как и мои, когда он пытался снять с себя рубашку, наблюдая за моей обнаженной женой. Ее киска была широко раздвинута и ждала его.

Наконец он снял ее, а заодно и штаны. У Алека был твердый, длинный и толстый, а на его лице было выражение чистой похоти…Как и на ее.

Он шагнул вперед. Это мгновение уже наступило! Я боялся и с нетерпением ждал этого момента.

Стоя на полу, он снял ноги Мишель с кровати, закинул их себе на плечи и слегка приподнял ее.

— Пожалуйста! — закричала Мишель.

Столкновение с землей произошло именно сейчас. Член Алека был у киски Мишель…и вдруг…он оказался внутри нее … весь путь…он проделал в один толчок. Мишель издала громкий стон, на этот раз больше похожий на вопль.

Алек застонал, открыв рот и запрокинув голову. Он держал ее за ноги, тянул за бедра, крепче прижимаясь к ней. Он глубоко зашел в нее и поколебался на мгновение, без сомнения наслаждаясь невероятным ощущением своего члена, погруженного глубоко во влагалище моей жены.

Он снова вошел в нее, сотрясая всю кровать, и вопль Мишель стал почти животным.

Мой собственный член снова начал закачивать сперму мне в штаны. На этот раз я лихорадочно расстегнул молнию и крепко сжал его. Я не мог остановиться.

Еще один толчок — и она закричала, превратив в карлика свой прежний крик, который был всего пару секунд назад.

Четвертый толчок — и он сильно прижался к ней, издав львиный рык, сжимая ее бедра и притягивая ее еще сильнее к себе.

Крик Мишель не прекращался, ее пальцы царапали покрывало, а тело дрожало.

Алек сделал несколько коротких погружений, закачивая свою сперму глубоко внутрь моей жены, его лицо исказила дикая гримаса.

Не знал, дышал я или нет. Я упал спиной к стене, задыхаясь, не в силах поверить в то, чему только что стал свидетелем.

http://erolate.com/book/2374/60875